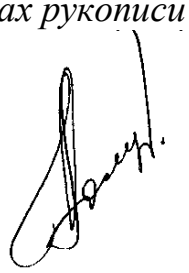
На правах рукописи



Голубева Наталья Александровна

ДИССИММЕТРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Специальность: 09.00.01 – Онтология и теория познания

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Волгоград – 2014

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет»

Научный консультант: **Токарева Светлана Борисовна,** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Волгоградского государственного университета

Официальные оппоненты: **Афанасьева Вера Владимировна,** доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (национального исследовательского университета)

Сергодеева Елена Александровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета

Солодухо Натан Моисеевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Казанского (Приволжского) федерального университета

Ведущая организация: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Защита состоится «9» октября 2014 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.029.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Волгоградском государственном университете по адресу: 400062, Волгоград, проспект Университетский, 100, ауд. 2-05 В.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета Н.А. Калашникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Изучение причин и закономерностей изменений, происходящих в различных сферах действительности, является одним из приоритетных направлений в онтологии. При этом ни одна из существующих парадигм, предлагающих объяснение механизмов изменений (в том числе связанных с повышением уровня самоорганизации систем), – диалектика, эволюционная теория, синергетика, теория нелинейных динамик, глобальный эволюционизм – не может претендовать на роль универсальной концепции. Сохраняются теоретические затруднения, преодоление которых требует поиска новых концептуальных подходов к решению проблемы.

Одним из подходов, объясняющих процессы изменения объектов, является рассмотрение их структурных трансформаций с позиций законов симметрии, взятой в диалектическом единстве с диссимметрией (нарушенной симметрией). Современные исследования показывают, что именно процессы симметризации и диссимметризации в существенной степени обусловливают структурный и трансформационный аспекты бытия. При этом структурные особенности систем различного происхождения и уровня организации отвечают диссимметрическим закономерностям. Между тем европейская философия, использующая бинарные оппозиции в качестве универсального средства рационального описания мира, традиционно отдавала предпочтение симметрии, маркируя ее положительно (как гармонию и соразмерность), а различные проявления ее нарушений – отрицательно. В этой связи выяснение роли диссимметрии в структурировании и трансформации бытия представляется актуальной задачей.

Если в естествознании проблема диссимметрии давно уже относится к числу фундаментальных, в философии (собственно и поставившей данную проблему в период Нового времени) представления о диссимметрии практически не изменились с тех пор, когда диссимметрия стала устойчиво ассоциироваться с *правыми* и *левыми* объектами (D-объекты и L-объекты).

Большой вклад в философскую копилку рассуждений о проявлениях диссимметрии в XX веке внесли естествоиспытатели и математики. Их усилиями в определенной мере уяснена бинарность (оппозиция) *правого* и *левого*, а самим противоположностям придан статус всеобщих категорий. С феноменом D (правых), L (левых) и DL (право-левых) объектов, а также с процессами симметризации и диссимметризации связаны объективные закономерности трансформации объектов различной природы, что свидетельствует о принадлежности проблемы диссимметрии к области философской онтологии.

Актуальность проблемы усиливается несоответствием между ее значимостью для философии (на которую указывал еще В.И. Вернадский, а также Ю.А. Урманцев и ряд других исследователей, отмечавших присущий явлению диссимметрии общефилософский статус) и отсутствием должной теоретической разработки.

Степень разработанности проблемы. Истоки представлений о симметрии и диссимметрии уходят своими корнями в мифологический и религиозный типы сознания, где впервые было введено качественное (в том числе аксиологическое) различие между *правым* и *левым*. Ранние философские подходы к проблеме *правого* и *левого* представлены в учении пифагорейцев (благодаря которым данные противоположности вошли в философию как «значимые», предвосхитив проблему правизны-левизны в науке) и в трудах Платона, Аристотеля, Прокла, рассматривавших мир через систему обращенных объектов.

Явным образом проблема диссимметрии обозначилась в Новое время в трудах Г.В. Лейбница, И. Ньютона, С. Кларка. Большой вклад в ее разработку внес И. Кант, который придал определенное значение направлению и ввел для обозначения объектов с нарушенной симметрией термин «неконгруэнтно подобные».

В естествознании интерес к проблеме диссимметрии возрос в XIX веке, когда феномен *правого* и *левого* был обнаружен на молекулярном уровне

сначала А. Бешаном, а затем Л. Пастером. Проблему нарушения симметрии рассматривал в дальнейшем П. Кюри, а связанные с диссимметрией проявления (полярность, присущую структурам живых организмов; различную степень реакции на внешние воздействия; встречаемость D и L объектов и т. п.) изучали Х.Л. Барнет, И. Бодемер, В.И. Вернадский, В. Бакшаева, А.Б. Вистелиус, Г.Ф. Гаузе, В.Н. Ившин, Е.И. Клабуновский, В. Лилли, Г.Х. Молотковский, А.В. Никулин, Л.Р. Павлович, П. Принсгейм, Х. Принсгейм, В.С. Подиско, Э.Д. Рогачева, Э. Синнот, Ю.Г. Сулима, А.В. Хохрин, В.Л. Чуданова, А.В. Шубников и др.

В качестве важнейшего признака жизни диссимметрия еще в XIX веке была отмечена Л. Пастером, в XX – В.И. Вернадским. Свое наиболее полное обоснование «диссимметрия жизни» получила в трудах Ю.А. Урманцева, который создал теорию диссимметризующих факторов, выявил связь учения о *правом* и *левом* с учением о поли- и изоморфизме, сформулировал обобщенное определение диссимметрии.

Процессам симметризации и диссимметризации материи на различных ее структурных уровнях уделяли внимание Л.А. Абрамян, М.Д. Велибеков, В.А. Копцик, Л.Л. Морозов, А.И. Толстопятенко, А.В. Хохрин, А.В. Шубников и др. Подход к диссимметрии как причине трансформационных процессов изначально в естествознании был задан П. Кюри. Впоследствии В.И. Вернадский, Ю. А. Урманцев, А.И. Толстопятенко экстраполировали диссимметрическую причину и на идеальные объекты. О диссимметрии пространства говорил В. И. Вернадский.

Симметрия, диссимметрия и асимметрия как общенаучные категории были рассмотрены Л.А. Абрамяном, В.С. Готтом, В.А. Копциком, А.Ф. Перетуриным, С.П. Поздневой, В.И. Самохваловой, Ю.В. Сачковым, Г.А. Свечниковым, В.И. Свидерским, Ю.В. Таммару, Ю.П. Трусовым, Ю.А. Урманцевым, В.М. Шемякинским, А. В. Шубниковым и др. Стремление придать процессам симметризации и диссимметризации универсальный

характер реализовано в работах А.В. Шубникова и В.А. Копцика, Ю.А. Урманцева, А.И. Толстопятенко.

Роль числовых закономерностей, связанных с золотым сечением, в процессах трансформации систем, обусловленных нарушением их структурных симметрий, в эпоху Возрождения отмечавшаяся Л. Пачоли и др., в дальнейшем подтвердилась М. Гикой и А. Цейзингом, а также М.Д. Велибековым, Н.Н. Воробьевым, Г.В. Вульфом, А.Ф. Лосевым, М.А. Марутаевым, Э.К. Розеновым, А. И. Толстопятенко, И.Ш. Шевелевым, И.П. Шмелевым и др.

В философских исследованиях символов к теме симметрии и ее нарушений обращались М.М. Маковский, И.Д. Рожанский, Дж. Тресиддер; при исследовании диалектических противоречий – Г.В.Ф. Гегель, В.И. Ленин, К. Маркс, Ф. Энгельс, И.Д. Андреев, Г.С. Батищев, Е.К. Войшвилло, Э.В. Ильенков, Ф.Х. Кессиди, Д.В. Пивоваров и др. Проблему диссимметрии времени обозначил И. Пригожин, хотя попытки определения времени как наделенного нарушенной симметрией (ветвлением, множественностью, противоположной направленностью) присущи рассуждениям А. Бергсона, Х. Л. Борхеса, Ф. Броделя, Ж. Делёза, Р. Ингардена, К. Штокхаузена и др. Диссимметрию в процессах трансформации языка и языковых конструкциях обнаружили О.П. Фесенко и Ю.В. Шатин. Диссимметрию в поэзии и в целом в искусстве рассматривали В.А. Копцик и А.В. Шубников. Нарушение симметрии через деконструкцию рассмотрел Ж. Деррида. Диссимметрическая нестабильность постструктуралистских построений отражена в трудах А. Бадью, Ж. Делёза, П.К. Гречко, Д. Затонского, И.П. Ильина, Т.Х. Керимова, Ю. Кристевой, Э. Левинаса, Ж.-Ф. Лиотара, М. А. Можейко и др. К вопросу о симметрической и диссимметрической организации структур текстов обращались Л. Ельмслев, Р. Барт, Ж. Лакан, К. Леви-Стросс, Ф. де Соссюр, М. Фуко. Такие проявления диссимметрии как нестабильность и нелинейность рассматривались применительно к: развитию науки (Т. Кун, И. Лакатос, К. Поппер, В.С. Степин, П.К. Фейерабенд, С.А. Лебедев, А.А. Грицанов и др.);

театральной и – шире – знаковой деятельности (П. Богатырев, М. Бердсли, Г.К. Честертон, А. Юберсфельд, Ч.С. Пирс, А. Павленко и др.); области художественного дискурса (Р. Арнхейм, Х.Л. Борхес, Г. Гессе, П. Зюскинд, Э. Канетти, В. Курицын, М. Павич, Дж. Фаулз, М. Н. Эпштейн и др.); сфере социальности (З. Бауман, Дж. Ритцер, Ж. Бодрийяр, Ф. Фукуяма, У. Эко, И.М. Ибрагимов, В.Л. Иноземцев, Н.Л. Пономарев, Б.М. Смирнов и др.).

Проявления диссимметрии в социальных и духовных процессах еще ждут своей разработки, однако отдельные попытки выявить указанную взаимосвязь встречаются. Например, Т.Х. Керимов обозначает деконструкцию как «диссимметрическое предприятие», а два шага или «два жеста» деконструкции (Ж. Деррида) определяются им как наделенные «диссимметрической коммуникацией».

Заданная тема и ее особенности определили объект, предмет, цель и задачи исследования.

Объектом исследования выступают процессы трансформации объектов в различных областях действительности.

Предметом исследования являются закономерности структурной трансформации диссимметрических объектов различной природы.

Целью исследования является формирование диссимметрической концепции трансформации и обоснование ее онтологического содержания.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

1- выявить истоки проблемы диссимметрии и направления содержательной эволюции понятия «диссимметрия» в философии и науке, проследить его развитие в принцип, объясняющий механизм трансформации объектов различной природы;

2- выделить основания онтологизации диссимметрии в философии и естествознании;

3- проанализировать концепт «диссимметрия», определить типы диссимметрии;

4- осуществить концептуализацию представлений о диссимметрии путем разработки понятий, отражающих ее роль в процессах трансформации объектов; доказать правомерность экстраполяции понятий «диссимметрия», «диссизомерия», «диссполиморфизм» на различные области бытия;

5- конкретизировать диалектику сохранения и изменения через процессы симметризации и диссимметризации; определить факторы, продуцирующие нарушение симметрии в открытых системах;

6- осуществить сравнительный анализ диссиметрической концепции трансформации с диалектикой и теорией нелинейных динамик;

7- применить диссимметрический анализ в процессе исследования структурных особенностей объектов, имеющих различную природу и представленных разными уровнями структурной сложности;

8- раскрыть потенциал диссимметрии в процессах трансформации систем;

9- аргументировать онтологическую связь музыки с временными процессами; обосновать идею диссимметрии времени;

10- дать оценку опыта диссимметризации структур в структурализме и постструктурализме;

11- продемонстрировать возможности применения диссимметрического анализа к объектам социальной реальности и духовной сферы.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В качестве теоретической и методологической базы выступают концептуальные положения, содержащиеся в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых. Для решения задач, поставленных в исследовании, использованы методы категориального и компаративного анализа, позволяющие выявить как изменяющееся и преходящее, так и устойчивое и инвариантное в различных сферах бытия, а также методы аналогии и экстраполяции. При исследовании трансформации объектов различной природы использован разработанный автором метод диссимметрического анализа, позволяющий выявить ключевые факторы, определяющие направление изменений в материальных и идеальных

системах. Выводы диссертации опираются на обширный материал**,** связанный с концептуальным осмыслением широкого спектра философских, естественнонаучных и гуманитарных источников.

Научная новизна диссертационного исследования.

1. Установлено, что предфилософские и философские представления об онтологическом различии *правого* и *левого* подготовили почву для исследования диссимметрии в качестве фактора структурирования и трансформации объектов различной природы.

2. Предложена оригинальная интерпретация онтологизации диссимметрии как условия индивидуализации явлений.

3. Проанализирован концепт «диссимметрия»; выделены типы диссимметрии: статичная (пространственная) и процессуальная (пространственно-временная).

4. Осуществлена концептуализация представлений о диссимметрии. Введено понятие *демокритовского диссимметрического объекта*, выявлен методологический смысл понятий «диссимметрия», «диссизомерия», «диссполиморфизм».

5. Разработана диссимметрическая концепция трансформации как направленного процесса, обусловленного формообразующим влиянием диссимметрии.

6. Показано отличие диссимметрической концепции трансформации от диалектики и теории нелинейных динамик, обусловленное использованием концепта «диссимметрический объект» и связанной с ним онтологической модели.

7. Выявлены эвристические возможности диссимметрического анализа в исследовании структурных особенностей и механизмов трансформации объектов.

8. Рассмотрены факторы, обусловливающие диссимметрическую лабильность объектов, относящихся к социальной, когнитивной и художественной сферам.

9. Показана онтологическая связь музыки с временными процессами. На примере музыкального творчества определена роль диссимметрии в различных временных процессах; введено понятие единицы внутреннего времени; дано определение понятию «дление».

10. Установлено, что в построениях структурализма диссимметрия используется в своем классическом (статично-дескриптивном) варианте как наиболее адекватном для описания бинарных структур; показана специфика диссимметризации объектов социальной и духовной природы в постструктурализме.

11. На основе лингвистического анализа показаны диссимметрические преобразования в художественном дискурсе. Рассмотрены особенности социальной диссимметрии.

Научная новизна представлена в **положениях, выносимых на защиту.**

1. Изначальные мифологические и религиозные представления о симметрии (гармонии, упорядоченности, соразмерности) и отклонениях от нее были связаны с зафиксированном в языке различием двух начал: *правого* и *левого,* которые наделялись различным статусом и ценностью через соотнесение с такими эквивалентами как *мужское – женское, чистое – нечистое, активное – пассивное, невидимое – видимое, монада* (единое, исходное) – *диада* (иное, производное). Тот факт, что в западной и восточной культуре правому и левому приписывали различную ценность, свидетельствует о социокультурной «нагруженности» этих понятий. В ранних философских системах эти противоположности (понятийно закрепленные в философских категориях) стали основой формирования различных онтологических схем. Эволюция понятия «диссимметрия» заключается в развитии его содержания от ограниченного и статического, фиксирующего отдельно взятые D и L объекты в качестве зеркальных антиподов, неконгруэнтных между собой, до динамического, отражающего способность диссимметрии «создавать явления». В этом случае диссимметрия как нарушенная, пониженная симметрия, оказывается причиной индивидуации объекта, фиксируемой философской

категорией «особенное». Таким образом, в результате эволюции понятия диссимметрии сложились две основных его трактовки: 1) метафорическая, определяющая диссимметрию в целом как нарушение гармонии, несоразмерность, диспропорциональность; 2) более строгая, сводящая диссимметрию к конкретным видам нарушения и понижения уровня симметрии (например, переход от билатеральной симметрии к пентагональной; диспропорция между правыми и левыми формами и т. п.). В этом случае диссимметрия выступает в качестве фактора структурирования и трансформации объектов.

2. Онтологизация диссимметрии в философии и естествознании происходила на основе признания универсальности характеристик условно *правого* и условно *левого* для всех объектов и объективности процессов диссимметризации и симметризации, происходящих на различных структурных уровнях систем. На онтологическом уровне диссимметрия фиксируется не как статическое состояние, а как процесс нарушения (понижения) симметрии, вне которого индивидуальное явление (наблюдаемая частица, активность живой органической структуры и т. п.) перестает существовать.

3. Концепт «диссимметрия» отражает ряд связанных с этим явлением функций: *формообразующую (структурирующую)* (диссимметрия причинно определяет внутреннюю структурную организацию объектов и направляет процессы формообразования); *онтологическую* (позволяет выявить общие диссимметрические закономерности в различных сферах бытия – от диссимметрии в живой и неживой природе до диссимметрии времени и социальной диссимметрии); *аксиологическую* (указывает на связь диссимметрических признаков с ценностными ориентирами). Диссимметрия представлена следующими классификационными типами: 1) статичной, или пространственной, диссимметрией (в ее классическом, неклассическом и модификационном вариантах); 2) процессуальной, или пространственно-темпоральной, диссимметрией, включающей в качестве вариантов

закономерную, перманентную, лабильную (флуктуирующую), модификационно-процессуальную.

4. Понятия «диссимметрия», «диссизомерия», «диссполиморфизм» отражают явления, имеющие универсальный характер, свойственные любому уровню организации материи и могут быть экстраполированы на любую сферу, связанную с каким-либо типом движения (от физического, химического и биологического до социального и художественного). Носителем этих свойств является описанное уже Демокритом «одно тело» – объект, бытийствующий посредством закономерных перестановок (комбинаций, переносов) атомов. В иных онтологических схемах роль таких «атомов» могут выполнять слова, предметы, отношения между людьми – то есть любые сущности, связанные с изменением целого (социума, «тела» стиха в художественном творчестве, текста и т. д.).

5. В диссимметрической концепции трансформации диалектика изменения и сохранения конкретизируется через процессы диссимметризации и симметризации. Диссимметрическая трансформация органично встроена в структуру бытия и представляет собой качественное необратимое изменение объекта (системы), совершающееся под воздействием факторов («агентов»), продуцирующих нарушение симметрии в открытых системах. Подобные изменения связаны с определенными числовыми закономерностями («рядами развития»).

6. В качестве универсальных категорий условно *правое* и условно *левое* выступают основанием онтологической модели *диссимметрического объекта*. В междисциплинарном варианте теории нелинейных динамик – синергетической парадигме – *диссимметрия* и *диссимметрическое равновесие* систем исследуются посредством категорий «неустойчивость», «хаос», «флуктуация», «точка бифуркации», однако при этом оказываются не вполне раскрытыми их онтологические основания. Концептуальное отличие диссимметрической концепции трансформации от философской теории, раскрывающей механизм развития объектов – диалектики – определяется

нейтральностью трансформаций по отношению к направлению изменений, поскольку трансформации часто связаны с отклонениями в системе, не имеющими четко выраженного прогрессистского оттенка (например, явления неотении, атавизмы и т.д.).

7. Диссимметрический анализ позволяет выделить в структурной организации объектов проявления диссимметрии, обусловленные: а) свойствами и характеристиками систем; б) отношениями между элементами; в) законами композиции. Диссимметрический анализ позволяет определить степень устойчивости диссимметрических систем, зависящую от уровня их интеграции, а также определить горизонт диссимметрических событий – проявлений полюсных характеристик, влияющих на направление трансформации.

8. Диссимметрия обладает созидательным потенциалом, обусловленным ее способностью «создавать явления», выступает особой силой, действующей в пространстве-времени на всех структурных уровнях бытия. Диссимметрическая лабильность присуща всем объектам, а диссимметрические факторы способны привести к изменениям в системе от незначительных до глобальных, когда последствия случайной изменчивости, связанной с ненаправленными процессами («шум развития»), приобретают характер массовых явлений, фиксирующихся как направленные тенденции.

9. Диссимметрия времени присуща любым процессам развития. Фактором нарушения временной симметрии выступает единица внутреннего времени системы, величина которой обратно пропорциональна степени интеграции диссимметрической системы и скорости течения события. Закономерности диссимметрии времени можно проследить на примере музыки, чья онтологическая связь с временными процессами отражается в таких проявлениях, как дление (метроритм), повтор (вариационность), случайность. Характер временных процессов определяется темпом (скоростью течения событий), который задает единица внутреннего времени системы. Из таких единиц складывается цепь ритмически организованных событий. Эти

основанные на повторах пульсации проявляются в биологических системах повторением в онтогенезе филогенеза, в истории – воспроизводимыми социальной памятью переживаниями и т. п. Различные философские учения отражали их в идеях круговорота, «вечного возвращения» (Ф. Ницше), «метафизического повтора» (А. Бергсон) и т. д.

10. Структурализм описывает системы, состояние которых близко к симметрическому равновесию. При этом он осуществляет центрацию на одном из полюсов-противоположностей, что исключает свободную перестановку компонентов. Таким образом, структуралистский подход к системе лишает ее динамики. Постструктурализм, напротив, нацелен на диссимметризацию структур (нарушение их симметрического равновесия), осуществляя ее при помощи определенных приемов (деконструкции, «рассыпания» и др.). Диссимметризация становится в этом случае перманентной, исключающей возможность возвращения к структурной целостности. Особую значимость подобный опыт перманентной диссимметризации имеет для исследования духовной сферы и социальной реальности, где имеет место постоянное скольжение смыслов, игра значений. Место закона компенсации симметрии занимает его зеркальное отражение – *закон компенсации диссимметрии*.

11. Формула «диссимметризация → симметризация → диссимметризация» имеет особую эвристическую ценность для теорий, объектом исследования которых выступают процессы в художественном дискурсе и – шире – в гуманитарной практике, где перманентный диссимметрический характер протекающих процессов объясняется на основе методологии, опирающейся на ряд специфических понятий: «хаосмос», «перечень», «инструктаж», «лабиринт», «бриколяж», «кроссворд» и др. Соответствующие явления порождают в социальной среде нонфинальные процессы, характеризующиеся, с одной стороны, бесконечной вариативностью, а с другой – серийностью и однообразием, вследствие чего перманентная диссимметризация создает впечатление «конца социального».

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при изучении феноменов различной природы с целью прояснения происходящих в них преобразований. Представленные варианты диссимметрического анализа открывают новые перспективы в объяснении механизмов трансформации феноменов, относящихся к различным сферам бытия, углубляют наше понимание связи между ними. Также материалы исследования могут быть использованы при разработке и чтении общих и специальных курсов по философским дисциплинам.

Основные идеи и выводы диссертационного исследования прошли **апробацию** на региональных, международных и всероссийских конференциях, среди которых: Международная научная конференция «Гуманитарные науки и современность» (Москва, 2011; 2012), Международная научно-практическая конференция «Экономика, наука, образование: проблемы и пути интеграции» (Москва, 2011); Международная научно-практическая конференция «Современная наука: теория и практика» (Ставрополь, 2010); XIV Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-экономические аспекты инновационной деятельности» (Челябинск, 2010); Региональная научно-практическая конференция «Язык – Культура – Человек – Этнос» (Калуга, 2009); ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция «Наукоемкие технологии в приборо- и машиностроении и развитие инновационной деятельности в вузе» (Калуга, 2006-2010 гг.); Международная научно-практическая конференция «Становление и развитие рыночных отношений в регионе» (Омск, 2005); Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы технологического и профессионально-педагогического образования» (Брянск, 2004).

Положения диссертации также прошли апробацию во время чтения лекционных курсов по дисциплинам «Философия» и «Концепции современного естествознания» в Калужском филиале Финансового университета при

Правительстве РФ и Калужском филиале Российской правовой академии Министерства Юстиции РФ.

Основные результаты исследования (с 2004 г.) изложены в 73 публикациях по теме диссертации, в том числе в 3 монографиях и в 15 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура и объем диссертации. Логика проводимого исследования определила структуру диссертации, состоящую из введения, 4 глав, 16 параграфов, заключения и списка использованной литературы, включающей 501 наименование, в том числе – 39 на иностранных языках. Общий объем диссертации составляет 356 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы диссертации, определена степень ее теоретической разработанности, сформулированы объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрыта научная новизна, указана теоретическая основа исследования, определены его теоретическая и практическая значимость.

В первой главе «Методологические основы анализа диссимметрии в истории философии и науки» представлены различные подходы, в рамках которых осуществлялось изучение проблемы диссимметрии в философии и науке и разрабатывался связанный с данной предметной сферой понятийный аппарат.

В первом параграфе «Предфилософские и философские истоки проблемы диссимметрии» выявляются предпосылки формирования представлений о *правом* и *левом*, подготовивших почву для дальнейшей эволюции понятия диссимметрии и раскрытия ее роли в структуре бытия. Изначальные предфилософские (мифологические и религиозные) представления о симметрии, понятой как гармония, упорядоченность и соразмерность, и отклонениях от нее были связаны с зафиксированным в языке различием двух начал: *правого* и *левого*. Они наделялись различными статусом

и ценностью и соотносились с такими эквивалентами, как *мужское – женское*, *активное – пассивное*, *невидимое – видимое*, *монада* (единое, исходное) – *диада* (иное, производное). Качественное различие *правого* и *левого* наполняло их смыслом, связанным с господствующей системой ценностей. Как правило, правому чаще придавались положительные характеристики, а левому – отрицательные. Тот факт, что в восточных культурах, особенно в китайской и японской, противоборство между правым и левым несколько смягчается и им нередко приписываются значения, противоположные утвердившимся в европейской и христианской символике, свидетельствует о социокультурной «нагруженности» этих понятий.

В ранних философских концепциях мир рассматривался через систему оппозиций, одну из которых составляла пара *правое – левое*, которые благодаря этому вошли в философию как «значимые противоположности», предвосхитив проблему правизны – левизны в науке. Эти противоположности были выделены еще пифагорейцами и позднее понятийно закреплены в философских категориях.

В рамках христианского сознания впервые утвердились представления об обращении (зеркальности) правого и левого, при котором характеристики «зеркальных» отражений не только не совмещаются, но и превращаются в противоположности. Впоследствии эти идеи получили развитие у И. Канта и отчасти у Г.В. Лейбница.

Во втором параграфе – «Эволюция понятия диссимметрии в философии и науке» – выявлены тенденции формирования содержательных трактовок диссимметрии, сложившихся в философском и научном знании.

Термин «диссимметрия» впервые был употреблен Л. Пастером, определившим ее как *закономерно нарушенную симметрию*, в результате которой появляются неконгруэнтные D и L объекты. П. Кюри расширил представления о диссимметрии, подведя под это определение любые объекты с нарушенной симметрией. Усилиями П. Кюри диссимметрия была возведена в принцип и связана с причинной обусловленностью явлений. Именно в этом

смысле диссимметрия «создает явление». Теоретическим выводом, следовавшим из такого утверждения, является вывод об определяющей роли диссимметрии в процессах структурирования и трансформации объектов. В свете этого вывода становится понятным и предельно общее определение самой симметрии как «стремления материи к устойчивости».

Эволюция понятия «диссимметрия» в философии заключается в развитии его содержания от ограниченного и статичного, фиксирующего отдельно взятые D и L объекты в качестве зеркальных антиподов, неконгруэнтных между собой, до динамичного, отражающего способность диссимметрии «создавать явления». Действительно, первоначально диссимметрия всего лишь указывала на неконгруэнтность D и L, являющихся подобными друг другу. Во втором случае диссимметрия, обнаруживаемая как нарушенная, пониженная симметрия, оказывается причиной индивидуации объекта, фиксируемой философской категорией «особенное». Важную роль в этом играет такое качество диссимметрического объекта, как существование его во множестве модификаций («инаковости»), каждая из которых, однако, сохраняет подобие исходному тождеству. Важно отметить, что «инаковость» (особенность, нетождественность) диссимметрических объектов постигается не при помощи понятий, а при помощи чувственного созерцания. В этом случае имеет смысл говорить не о зеркально симметричных (автоморфных), а о зеркально диссимметричных объектах, где фактически речь идет о симметрии как гармонии противоположностей. Именно в результате диссимметрии возникает «обращенный» объект, который не тожественен («неконгруэнтно подобен», энантиоморфен) первоначальному, не совпадает с ним.

Противоположности *правое* и *левое* стали основой формирования в философии различных онтологических схем. Причины этой индивидуации объектов одни философы видели в *направлении* (И. Кант), другие – в различиях, обусловленных модификациями при отражении исходного тождества (Лейбниц). В результате, возникающая *подобная* форма всегда будет в то же

время особенной, индивидуальной, будет наделена «внутренним движением» и «собственной точкой зрения» (Лейбниц).

В науке в результате эволюции понятия диссимметрии сложились две основных его трактовки: 1) метафорическая, определяющая диссимметрию в целом как нарушение гармонии, несоразменость, диспропорциональность; 2) более строгая, сводящая диссимметрию к конкретным видам нарушения и понижения уровня симметрии (например, переход от сферической симметрии к билатеральной и далее к пентагональной; диспропорция между правыми и левыми формами и т.п.). В этом случае диссимметрия выступает в качестве фактора структурирования и трансформации объектов.

Таким образом, в содержательном плане понятие диссимметрии эволюционирует от близкого по смыслу с терминами «гармония», «упорядоченность», «соразмерность» к более строгому, фиксирующему фундаментальные характеристики бытия.

В третьем параграфе – «Онтологизация диссимметрии в философии и естествознании» – резюмируются основные положения философского и естественнонаучного подходов к проблеме диссимметрии.

Понимание и интерпретация диссимметрии осуществляется на нескольких уровнях: наглядно-созерцательном, абстрактно-теоретическом и философском (онтологическом). На последнем значимым является не столько диссимметрия как статичное состояние, сколько процессы понижения, нарушения симметрии, вне которых индивидуальное явление (активность природной, социальной и т.п. структур) перестает существовать. В этом смысле следует признать несостоятельной идею компенсации нарушения симметрии (опирающуюся на принцип сохранения симметрии), заключающуюся в утверждении, что один тип симметрии просто замещается другими ее типами – гомологической, криволинейной, комбинированной, симметрией подобия и т.п. При таком подходе, отрицающем онтологический статус диссимметрии, оказывается невозможным объяснить существование индивидуальных различий как основы структурирования бытия. Таким образом, диссимметрия оказывается не только

явлением, но и методологическим принципом, при помощи которого возможно объяснение процессов структурирования и трансформации объектов различной природы и уровня сложности.

Исследование показало, что первичная онтологизация *правого* и *левого* в философии осуществляль через утверждение принципа тождества неразличимых и принципа индивидуации. Следующим важным шагом стало признание универсального характера диссимметрии как условия существования индивидуальных явлений.

Естественнонаучное осмысление проблемы диссимметрии приходится на начало XIX века и связано с новыми открытиями в науке (расщеплением целых кристаллов на энантиоморфные объекты и выявлением феномена поляризации света), что позволило Л. Пастеру ввести понятие диссимметрии в значении закономерно нарушенной симметрии. Развивая идеи Пастера, В.И. Вернадский указывал на выраженную диссимметрию термодинамического поля живого организма: в пространстве, занятом живым веществом, существуют всегда энантиоморфные полярные векторы. П. Кюри распространил это понятие на все физические явления (рассмотрев в качестве диссимметрических не только D или L, но и DL объекты) и определил диссимметрию как «создающую явление». Исследования показали, что закономерно нарушенная симметрия играет важную роль в процессах формирования индивидуальных структур. В XX веке А. В. Шубников и В. А. Копцик развили идею о симметризации и диссимметризации объектов на их различных структурных уровнях.

Существенный вклад в развитие естественнонаучных и философских представлений о диссимметрии внес Ю.А. Урманцев, предложивший общее определение диссимметрических объектов, создавший теорию диссимметризующих факторов, а также обосновавший онтологический характер различия между *правым* и *левым*. Связанная с этим различием изомерия имеет неспецифический характер и проявляется в любых формах движения материи. Данный факт, а также то, что процессы симметризации и диссимметризации отражают «объективную диалектику развития структурных

объектов» (Шубников, Копцик), позволяет рассматривать диссимметрию как бытийную характеристику.

В четвертом параграфе «Концепт «диссимметрия» и основные типы диссимметрии» рассматриваются смысловые и функциональные значения понятия диссимметрии. На основе изучения роли диссимметрии в различных сферах бытия выявляются ее типы.

Концепт «диссимметрия» играет важную методологическую роль в осмыслении процессов структурирования и трансформации систем. Он лежит в основе диссимметрического анализа, позволяющего рассматривать «зеркально» противоположные характеристики объектов различной природы как причинные факторы, обусловливающие их структурные трансформации.

Формообразующая (структурирующая) функция заключается в том, что диссимметрия причинно обусловливает внутреннюю структурную организацию объектов и направляет процессы формообразования. Внутренняя динамика объектов на структурном уровне обусловлена тем, что в противоречии между диссимметрическими признаками имеет место преобладание одних форм над другими, благодаря чему реализуется способность «создавать явление» как нечто индивидуализированное в соответствии с определенными закономерностями.

Наконец, *онтологическая* функция проявляется в том, что общие диссимметрические закономерности обнаруживаются в различных сферах бытия – от диссимметрии в живой и неживой природе до диссиметрии времени и социальной диссимметрии (включающей более частные виды, такие как диссимметрия текста, диссимметрия деятельности и т.п.). В этой связи можно говорить о диссимметрии как о бытийной характеристике.

Исследования выявили связь диссимметрических признаков с ценностными ориентирами, причем не только для идеальных и социальных объектов, но и в сфере природных объектов. Например, б*о*льшая активность D или L форм живых организмов может оцениваться как «положительная» с точки зрения критериев «биологического прогресса» (под которым понимается не

абсолютное усложнение организации, а выживание вида). В этом проявляется *аксиологическая* функция диссимметрии.

Диссимметрия представлена следующими классификационными типами: 1) статичной пространственной диссимметрией (в ее классическом, неклассическом и модификационном вариантах); 2) процессуальной пространственно-темпоральной диссимметрией, предполагающей «разделение» времени на неравномерно текущие и противоположно направленные потоки. Последняя может быть как закономерной, так и перманентной (незакономерной). С учетом того, что дисимметрические преобразования могут происходить не во всей системе, а лишь в какой-то из ее частей, можно говорить о *лабильной* (флуктуирующей) диссимметрии, нарушающей равновесие в отдельных областях с последующим преобразованием всей системы. Модификационно-процессуальная диссимметрия может проявляться как внутриструктурный диссполиморфизм и диссиизомеризм.

Вторая глава «Концептуализация онтологического статуса диссимметрии» посвящена разработке теоретико-понятийной основы исследования роли диссимметрии в структуре бытия и процессах трансформации. Рассмотрены проявления диссимметрии, приводящие к полиморфизму и различным видам изомерии в структурировании и трансформации материальных объектов. Обоснована правомерность экстраполяции представлений о диссимметрии и ее проявлениях – диссполиморфизме и диссизомерии – на различные области бытия. Сформулированы основные положения диссимметрической концепции трансформации, рассматривается ее соотношение с диалектикой и теорий нелинейных динамик.

В первом параграфе «Диссимметрия в структуре бытия» показано, что зафиксированная ранее универсальность условно *правого* и условно *левого* позволяет рассматривать диссимметрию как предельный принцип структурирования и трансформирования объектов. На уровне феноменов (проявлений) он был первоначально зафиксирован в естествознании в связи с

открытием явлений изомерии в химии, физике и биологии, а также явления полиморфизма при модификации систем различной природы. Онтологический анализ этих явлений показал, что они связаны с такими важнейшими характеристиками как *связь*, *направление*, *тождество* и *различие*, *обратимость* и *необратимость*, *объект*, *элемент*, *отношение* и т.п.

Экстраполяция обнаруженных при изучении изомерии и полиморфизма закономерностей на процессы и объекты иной природы – социальные и лингвокультурологические – обнаруживает в последних те же закономерности «перестановок» и «размещений», приводящих к переструктурированию и трансформации систем. Диссимметрические факторы при этом, комбинируясь между собой, приводят к особым трансформациям, обусловленным именно нарушениями симметрии.

Теоретико-методологическим основанием концептуализации представлений о диссимметрии является, на наш взгляд, разработанное в греческой атомистике учение о движениях (переносах) атомов и обусловленных этими переносами трансформациях вещей. Уже Демокрит проводил параллели между образованием новых тел и новых слов: в первом случае имеет место комбинирование порядка и положения атомов, во втором – порядка и положения букв. Важно, что во всех случаях диссизомерии и дисполиморфизма обнаруживаются одинаковые закономерности возникновения и комбинирования диссимметрических факторов.

В этом отношении важно введенное Демокритом понятие «одного тела», под которым он понимал совокупность всех тел, различающихся только порядком и положением атомов в них. Тогда множество единичных тел (или слов) оказывается множеством трансформаций исходного «одного тела», каждый раз предстающего в новой полиморфической модификации, обусловленной порядком и положением атомов.

Мысль Демокрита становится более наглядной, если в качестве «одного тела» представить алфавит. Атомы этого тела – это буквы алфавита, из которых посредством изменения их порядка и положения (то есть *отношений*)

получаются все новые и новые слова, комбинирующиеся в отличные друг от друга тексты. Закономерность же здесь проявляется в том, что атомы, согласно Демокриту, группируются друг с другом (как и буквы в словах) не случайно, а закономерно: первоначальное хаотичное состояние атомов преодолевается тяготением их к тем атомам, с которыми они могут сочетаться. Каждый атом или группа атомов могут рассматриваться здесь в качестве диссфакторов, сочетающихся с другими в процессе создания определенного объекта, который находится в состоянии диссимметрии (нарушенной симметрии) на своих структурных уровнях.

Соотнесенная с языком, идея демокритовского «общего тела», понятого как диссимметрический объект, хорошо реализуется и в прозе, и в поэзии. При этом важно, что в каждом случае при составлении текста реализуются различные закономерности (в прозе – одни, в поэзии – другие, связанные с зависимостью от рифмы, метра стиха и т.п.).

Закономерности распределения могут быть связаны также с инверсиями (обращениями) – математическими, естественнонаучными, поэтическими, музыкальными и т.п. Обращения играют важную роль в философских системах (у Гегеля, Маркса), метод оборачивания выступает основным способом развития математического знания и т.п.

Поскольку комбинации, перестановки, переносы могут быть не только структурными, но и смысловыми, этот же метод мы наблюдаем при формировании, например, поэтического «тела стиха». Таким образом, все варианты комбинаций, перестановок и переносов – то есть, в общем, отношений элементов – слов, слогов, ударений, ритма, размера, строф – образуют форму и содержание «тела» стиха, формируют его как объект, изомер, как полиморфическую модификацию (диссобъект).

В языковой сфере интеллектуальный прогресс выражается в языковых трансформациях, осуществляющихся в направлении усложнения за счет рационализации языка. Усложнение это также связано с диссимметризацией, в основе которой лежат либо искусственные приемы и выверенные формулы

(например, додекафония в музыке XX в.), либо подсознательные творческие импульсы, основанные на факторе случайности (футуризм в поэзии, абстракционизм в живописи и т.д.). В итоге звук в музыке, буква и слово в поэзии начинают рассматриваться как атомы, элементы, из которых состоят объекты. Примером таких построений в поэзии могут выступать визуальный стих, в котором смысловой аспект отступает на задний план, уступая место «нарочитой неопределенности» и конфликту значений.

Диссимметрический вектор творческих поисков в футуристическом поэтическом искусстве основан, как и у Демокрита, на комбинаторике. Это все те же «переносы» и «сдвиги», но только осуществляемые на различных уровнях языковой структуры. Диссизомеры в поэзии появляются как следствие нарушения грамматики, нарушения смысла (абсурд, ситуация, когда, по выражению В. Хлебникова, ум меняется на «заумь»), нарушения или разрушения образов, в результате которого каждый из них предстает своей противоположностью, неконгруэнтной первоначальному. Новаторы в поэзии призывали «компактировать», усекать язык, и их усилиями последний превращается в до-книжный и до-словесный хаос, «из которого все рождается и в который все уходит». Таким образом, произошло переворачивание языка, его обращение (зеркальное отражение), в результате которого его образ оказался несовместим с прообразом. Вместе с языком произошло и обращение самой поэзии, взорванной языковой трансформацией изнутри. Эта смена настроений привела к рождению диссизомера и диссполиморфа классической поэзии и привычного русского языка, ибо все в них сменилось на свою противоположность, с «+» на «-», стали возможны любые комбинации элементов. *В результате стала нарушаться, исчезать структура – смысловая, поэтическая, ритмическая, социальная.*

Вариантом подобной трансформации является «конкретная поэзия», где искусство фактически превращается в недооформленный материал, диссимметрический в том смысле, что из него исчезают гармония, стройность, смысл. Появляются даже такие новшества, как «паузные тексты» – воплощение

«стратегии пустоты», где tabula rasa рассматривается как чистый лист, богатый потенцией возникновения бесконечных смыслов, знаков и т.п.

В любой сфере – химической, физической, биологической, социальной, художественной, для объектов любой природы, которые так или иначе структурированы и структура которых претерпевает трансформации, обнаруживаются зеркальные отражения с изменениями на противоположность. Для самих же объектов онтологически органичными являются понятия: система, структура, связь, отношения, элементы, обратимость и т.д.

Таким образом, экстраполяция понятий на различные объекты художественного творчества, сферу языка и – шире – все социальные явления обнаруживает общие закономерности и онтологические схемы. В социальной сфере в качестве элементов выступают уже не буквы и слова, краски и звуки, стилистика и техника композиции, а люди, их сообщества, а в качестве отношений между элементами – взаимоотношения между людьми. В итоге социум как система подчиняется тем же законам трансформации, что и любая другая. Диссфакторы между людьми приводят к феномену социальной диссимметрии, в результате которой социальная группа диссимметризуется. Бесконечные же сочетания различных диссфакторов с другими диссфакторами внутри системы приводят к социальному диссполиморфизму, причем в качестве диссфакторов можно рассматривать как отдельных индивидов, так и группы людей. Эти процессы наблюдаются в сменах общественного строя, крайних выражениях индивидуализма, анархизма, коллективизма, приводящего к тоталитаризму и т.п.

Во втором параграфе «Концептуализация представлений о роли диссимметрии в процессах трансформации» формулируются основные положения диссимметрической концепции трансформации. Трансформации прослеживаются на любом из уровней бытия. С этой точки зрения процессы трансформации могут рассматриваться через призму предельных онтологических категорий, что не исключает того, что за ними стоит содержательная компонента, определяющая меру трансформации и

конкретизирующаяся в определенном явлении. По нашему мнению, в качестве такого конкретного явления может выступать диссимметрия – нарушенная симметрия как условие существования любого объекта.

Диссимметрия представляет собой эквивалент нарушения устойчивого симметричного состояния системы, то есть через диссимметрию происходит изменение структуры объекта. Это изменение (или диссимметризация системы) реализуется в соответствии с вектором определенной направленности. Согласно закону компенсации симметрии, после нарушения равновесия система стремится к его восстановлению, а потому диссимметризация и симметризация одинаково участвуют в формообразовании системы. Однако именно диссимметрия придает системе индивидуальность, особенность. Например, применительно к геометрическим объектам это связано с тем, что диссимметризация системы «приводит к понижению симметрии целого по сравнению с симметрией частей» (Шубников, Копцик). В материальных системах в роли компонентов выступают морфологические или физические характеристики объектов, противоположные по пространственной конфигурации, знаку заряда, направлению и т.д.

Важность концептуализации симметризации и диссимметризации как основы диссимметрической концепции трансформации обусловлена еще и тем, что в научной литературе отсутствует единая терминология, что вносит путаницу в рассмотрение процессов трансформации с позиций диссимметрии (которые обозначаются как «динамическая симметрия», «диссимметрическая изменчивость» или «диссимметрическое развитие»). На наш взгляд, концепция диссимметрической трансформации наиболее полно отражает именно диалектику процессов симметризации – диссимметризации и, главное, указывает доминирующую роль изменчивости и роль диссимметрических факторов в формообразовании.

Основное содержание диссимметрической концепции трансформации может быть сформулировано следующим образом: 1) для существования явления как «особенного» симметрия является необходимым, но

недостаточным фактором; 2) для реализации явления необходимы факторы, продуцирующие нарушение симметрии – диссимметрию; 3) явления возникают под воздействием определенных «агентов», в роли которых выступают диссимметризующие факторы; 4) диалектика симметризации – диссимметризации приводит к формообразованию только в открытых системах.

Таким образом, из приведенных условий реализации явлений следует, что: а) диссимметризация, ведущая к трансформации, не происходит без предшествующего или следующего за ним (хотя и на другом структурном уровне) симметрического состояния системы; б) процессы трансформации, в результате которых происходит преобразование внутренних и внешних связей объекта, осуществляются под воздействием особых «агентов» – диссимметризующих факторов. Системы при этом могут быть как материальными, так и идеальными или социальными. Как показывают исследования, во всех случаях имеют место две закономерности: потеря объектами элементов симметрии на различных уровнях и наличие математических закономерностей «золотого сечения» в соотношении частей и целого. Именно в критических точках, выраженных числами «золотого сечения», нарушение симметрии (диссимметризация) достигает критических значений, возникает диссимметрическое равновесие и происходит трансформация системы.

В третьем параграфе «Диссимметрия в контексте теории нелинейных динамик» показана мировоззренческая и смысловая близость диссимметрической концепции трансформации с теорией нелинейных динамик в ее междисциплинарном варианте – синергетикой. Проявление диссимметрии в основных положениях междисциплинарного варианта теории нелинейных динамик – синергетической парадигме – обнаруживается уже в первом приближении. Прежде всего, это касается смыслового аспекта синергетической парадигмы, отражающей мир в его неустойчивости и самоорганизации. Диссимметрия, как «творец явления», выступает в качестве необходимой причины морфогенеза, что согласуется со смыслом присутствия геометрии у

диссипативных структур или процессов с их перманентной подвижностью. Неравновесность, с позиций учения о диссимметрии, может трактоваться как диссимметризация системы посредством диссимметрической причины. Понятие хаоса, в его синергетическом контексте, конгруэнтно понятию диссимметрии: и хаос, и диссимметрия репрезентируются как содержащие в себе креативный потенциал стать либо порядком и симметрией, либо подвергнуть систему элиминации. Точки бифуркации по своей значимости для дальнейшего развития системы являются подобными критическим точкам диссимметрического равновесия, переводящим систему из одного состояния в другое. Таким образом, в синергетике имеет место принципиальное нарушение фундаментальных симметрий, обусловленное бифуркационным механизмом и связанное с выбором системой возможных путей ее эволюции. Нарушение фундаментальных симметрий выражается в том, что при многочисленном повторении эксперимента, связанного с прохождением системы через точку бифуркации, не наблюдается ожидаемого равного распределения случаев ее развития по возможным путям. Анализируя этот и другие подобные факты (например, количественное неравенство во Вселенной частиц и античастиц), И. Пригожин и И. Стенгерс пришли к выводу о том, что *фундаментальные симметрии оказываются принципиально нарушенными*. В этом случае, как показывают исследования, имеет место проявление диссимметрической закономерности: соотношение вариантов зависит от преобразований основного ряда чисел Фибоначчи, в основе которого лежит пропорция «золотого сечения». Важную роль диссимметрия может сыграть также в уточнении смысла и роли понятия энтропии, и еще В.И. Вернадский связывал «проявление» «в мире» диссимметрии с наличием «в нем энтропии». Утверждаемая синергетикой альтернативность путей эволюции предполагает диссизомерию (зеркальную противоположность) категорий случайности и необходимости.

В целом, при любом подходе к системам – либо как к диссимметрическим, либо как диссипативным структурам – в процессе их развития обнаруживается «онтологический плюрализм» (М.А. Можейко).

В четвертом параграфе «Диссимметрическая концепция трансформации и диалектика» проводится компаративный анализ разработанной концепции и диалектики. Ключевым моментом диссимметрической концепции трансформации является атрибутивная модель диссимметрического «объекта вообще» (представляющего собой, как было показано, аналог демокритовского «общего тела»). В этой модели условно *правое* и условно *левое* представляют собой противоположности, единство которых фиксируется понятием «диссимметрическое равновесие». Подобно закону единства и борьбы противоположностей, оно указывает на механизм структурной трансформации систем. Можно обнаружить также перекличку с другими законами диалектики. Так, при сравнении минимальных и максимальных значений степеней диссимметризации трансформирующейся системы обнаруживается закономерность, аналогичная фиксируемой диалектическим законом взаимного перехода количественных и качественных изменений.

Симметрию можно трактовать как способ существования тождества, а диссимметрию – различия. Диссимметрическое равновесие обозначает критическое соотношение взаимозависимых противоположных характеристик в системе. Концептуально-понятийное отличие диссимметрической концепции трансформации от диалектики определяется ее направленностью на описание процесса трансформации как более нейтрального по отношению к направлению изменения, нежели процесс развития, ориентированный на прогрессистскую схему. Поэтому полный аналог закона отрицания отрицания, напрямую указывающий на направленность развития, в диссимметрической концепции отсутствует. Более нейтральная трансформация часто связана с различными отклонениями в системе, не имеющими четко выраженного прогрессистского оттенка (например, явления неотении, атавизмы и т.д.).

В главе III «Роль диссимметрии в трансформации объектов» анализируется обусловленность процессов трансформации систем диссимметрией, в связи с чем раскрывается ее креативный потенциал.

В первом параграфе «Объекты как диссимметрические системы» исследуются закономерности структурной организации диссимметрических систем, под которыми понимаются объекты любой природы, нарушения симметрии в которых достигает точки диссимметрического равновесия. Диссимметрия может возникать на любом структурном уровне системы, она проявляется через появление полюсных характеристик и влияет на направление трансформации.

Система элементарна, если ее исходные противоположности в структурном отношении тоже элементарны (являются диполями). Противоположности одного диполя являются энантиоморфами относительно друг друга, т. е. морфологически они взаимообратны (как, например, положительный и отрицательный знак, заряд и т. д.). Такие элементарные системы выступают исходными «кирпичиками» для системы более высокого порядка. Таким образом, для каждого уровня структурной сложности исходным является множество диполей предыдущих порядков.

Как в элементарных, так и в сложных системах (например, социальных) наблюдается взаимодействие между энантиоморфами, обладающими противоположно направленными векторами диссимметрической напряженности. Результирующий вектор и обусловливает в конечном итоге структуру и направление трансформации системы. Внешние диссимметрические признаки выявляются визуально для объектов материального мира или фиксируются через морфологические и биометрические признаки (например, активность) в биосистемах.

В качестве диссимметрической системы можно рассматривать человека. В структурном отношении первыми и определяющими энантиоморфами системы «человек» являются тело и мысль. Диссимметрической системой, превосходящей человека по уровню информационной интеграции, является

социум, изначально также представленный материальной и духовной компонентами. Структурная организация экономических систем тоже подчиняется законам диссимметрии. Их симметрическое равновесие, например, по замечанию Д. Куприянова, достижимо при учете баланса следующих энантиоморфов: а) цены спроса и цены предложений; б) внутренних и внешних факторов воздействия на рынок; в) иностранных инвестиций и сильной экономической политики власти и т. д. В целом, социальные и экономические системы, являясь выразителями качественных характеристик (социум) и количественных (экономика), взаимодействуют и взаимозависят. Одним из аспектов регуляции равновесия между социальной и экономической составляющими является внимание к социальным проблемам, предполагающим внимание к человеку. Именно «человекоразмерность» социально-экономических систем, выражающая их качественную составляющую, играет решающую роль в устойчивом развитии последних. В совокупности же множество диполей предыдущего и последующего порядков сложности каждой из систем, формируют социально-экономические системы, диалектика противоположностей в которых обеспечивает их структурную симметричность или диссимметричность.

Во втором параграфе «Диссимметрия – детерминанта процессов трансформации систем» анализируется креативный потенциал диссимметрии, обусловленный ее способностью «создавать явления» и выступать (в форме диссфакторов) в качестве особой силы, действующей в пространстве-времени на всех структурных уровнях бытия.

Нарушение симметрии может быть аберративным (отклонение от нормы под воздействием внешних причин) или тератологическим (например, уродство под влиянием внутренних факторов), следствием которых могут стать необратимые деструктивные изменения. В случае же закономерных нарушений симметрии системы ее трансформация выражается в направленных изменениях, предопределенных этим нарушением. Так, флуктуирующая асимметрия, представляющая «ненаправленное развитие» (ее обозначают также как «шум

развития») связана с «незначительными различиями между двумя сторонами тела» (Л. Масон, М. Захарова), причина которых определяется «случайной изменчивостью развития». Однако последствиями этой «случайной изменчивости развития» могут быть массовые явления, проявляющиеся уже как направленные тенденции. В этой связи флуктуирующую асимметрию можно оценивать как *лабильную диссимметрию*. Периодичность данных «случайностей» детерминирована внутренними или внешними факторами, т. е. можно сказать, что она зависит либо от передающихся по наследству диссимметрических признаков, либо от диссимметризующих факторов, воздействующих на систему через окружающую среду. Таким фактором для биосистем выступает, в частности, свет; на других уровнях развития это могут быть атомы, молекулы и т. д. В экономической сфере в роли подобных факторов могут выступать экономические реформы, финансовые кризисы и т. д. В социальных системах, как и в любых других, диссимметризующие факторы могут варьироваться от глобальных (войны, революции и т. д.), порождающих глобальные изменения в социуме, до локальных. Как глобальными, так и локальными диссимметризующими факторами процессов трансформации систем в социальной сфере выступают сознание отдельного индивида, и готовящие эту трансформацию сознания групп людей, а также деятельность СМИ.

В третьем параграфе «Диссимметрия времени в процессах развития» обосновывается наличие диссимметрии времени в материальных и идеальных процессах, уточняется роль единицы внутреннего времени в его диссимметризации.

Переоткрытие времени заключается в признании существования темпоральности действительных процессов, в признании необратимости и содержательной значимости времени. При этом литературное «переоткрытие времени» произошло намного раньше синергетического. Показательны в этом отношении идеи Х.Л. Борхеса о «ветвлении» времени. Аналогично, постмодернистская трактовка истории отражает темпоральность и

диссимметрию времени любого процесса, где смысловая определенность выступает средством датирования и измерения длительности процессов. Согласно Ж. Делёзу, историческое время является двояким: с одной стороны, его можно понимать в качестве переплетающихся настоящих моментов, с другой – как постоянно раздваивающее настоящее в двух различных направлениях: прошлое и будущее. Мотивы диссимметрии времени в форме идеи о сосуществовании времен, многообразии времени можно обнаружить у А. Бергсона.

Что же является фактором нарушения временной симметрии, что продуцирует диссимметрию времени? Согласно И. Пригожину, в мире, где действует второе начало термодинамики, отношение существующего к возникающему уже само по себе «задает некую ориентацию во времени», из чего следует, что преобразование состояний системы, т. е. возникающее, связано с нарушением временной симметрии – диссимметрией. Эта «нарушенная временная симметрия» соотносится с внутренним временем систем – «внутренней стрелой времени», присущей каждой системе. В результате взаимодействия внутренних времен двух систем происходит конфликт времен, определенным образом воздействующий на обе системы. Этот конфликт, выражающийся в еще большем нарушении симметрии времени внутри систем (его диссимметризации), отражается на структуре времени, в связи с чем и появляется необходимость введения понятия *единицы внутреннего времени*.

Осмысливая роль единицы внутреннего времени в процессах нарушения временной симметрии, можно сделать следующие выводы: 1) ньютоновское время не есть внутреннее время системы; 2) скорость течения события может иметь размерность и в единицах внутреннего времени; 3) величина единицы внутреннего времени обратно пропорциональна степени сложности диссимметрической системы. Через понятие единицы внутреннего времени реализуется идея его многообразия.

В четвертом параграфе «Ритмо- и метросодержательность процессов диссимметрической трансформации» на основе онтологической связи музыки с временными процессами определяются ритмические и метрические стороны процесса преобразования систем.

На общность законов музыки с законами универсума и процессами, происходящими в социуме, указывали многие исследователи (Дж. Годвин, Э. Мак-Клайн, Т. Адорно, В.М. Штро). Время – ключевой элемент в становлении музыкальной реальности, что позволяет считать музыку временн*ы*м искусством.

Первым фактором онтологической связи музыки с временными процессами выступает феномен длення («durée»), «временения». Впервые о длении заговорил А. Бергсон, выразивший в данном понятии гераклитовское «panta rei» (все течет), давшее впоследствии основу слова «ритм». Так как в основе музыкального временения лежит ритм, следовательно (что также ясно из аналогии с гераклитовским «panta rei»), ритм лежит в основе любого из временящихся событий.

Так как время, взаимосвязанное со скоростью *ритмизированного* длення, субъективно для каждой становящейся (длящейся) системы, то каждая из развивающихся систем наделена собственным *длением*, т. е. характеризующимися своей метроритмической содержательностью процессами. Дление – это временной процесс, цепь ритмически организованных элементарных звеньев события, как следствий информационных ситуаций в данном локусе пространства.

Еще одним фактором, отражающим конкретную онтологическую связь музыки с временными процессами, и, соответственно, выражающим их ритмо- и метросодержательность, можно назвать фактор сохранения (полного или вариационного) метроритмических пульсаций, представленного феноменом *повтора* (iteratio), или вариаций. Проявлением повтора в биологических системах является, например, повторение (хоть и не абсолютное) в онтогенезе филогенеза. А. Бергсон говорил о метафизическом повторе, имея в виду

психологическое переживание, способное «повторяться бесконечное число раз в последовательных слоях памяти». Идея повтора (или круговорота) ярко выражена в постмодернизме.

Третьим фактором, отражающим онтологическую связь процессов развития с искусством времени – музыкой – является парадоксальный элемент, или *случайность* (paradoxos). Случайность, имманентно присущая каждой системе, в данном контексте выступает не только как причина разрушения старого, но и как «преодоление предела». В первом варианте случайность выступает как созидатель через разрушение, во втором – она всегда *своевременна* и в этом ее парадокс. Внутреннее для системы время, взаимосвязанное с темпом ритмизированного дления, субъективно для каждой системы. Оно влияет на события и события влияют на него. Единица внутреннего времени – это и есть сильная метрическая доля дления, сбивка или смещение которой приводят к изменению метра, а, следовательно, и всего процесса в целом. Подобные отклонения в развитии, или *метроритмические сбивки*, обусловленные парадоксальным элементом, несущие новообразования из бесконечного множества событий, имеют место в любой сфере бытия, причем для каждой системы характерен свой элементарный период (квант) вибрации, выражаемый единицей внутреннего времени.

В главе IV «Диссимметрический анализ трансформации социальной и духовной реальностей» рассматриваются примеры конструкции и деконструкции современных социальной и духовной реальностей на основе диссимметрии. В этой связи интерес вызывает такая практическая реализация диссимметрического развития, как построения структуралистов и постструктуралистов, лингвистический эксперимент в области научной теории, опыты перманентной диссимметризации в художественном дискурсе а также реальные события, происходящие в современном социуме.

В первом параграфе «От структурализма к постструктурализму: опыт диссимметризации структур социальной и духовной реальностей» на

основе диссимметрического анализа выявляется роль диссимметрии в построениях структуралистов и постструктуралистов.

Диссимметрический анализ структуралистских построений показывает, что всякая структура изначально строится как диссимметрическая система, где каждый первый член оппозиции переходит в свою противоположность, без которой он не существует. Так, «означаемое» не существует без «означающего», «язык-объект» – без «метаязыка», «сырое» – без «приготовленного», «жизнь» – без «смерти», «метафора» – без «метонимии», «язык» – без «речи», «Я» связано с «не-Я», «слова» – с «вещами», «синхрония» подразумевает «диахронию» и наоборот, и т. д. В итоге, даже если один из членов оппозиции по какой-либо причине отсутствует как относительно самостоятельная инстанция, он все-таки присутствует в системе на одном из ее уровней.

Совокупность энантиоморфов, т. е. диссимметрический диполь в структурализме всегда информационно-энергетически диссимметричен, так как, если речь идет о противоположении «означаемое-означающее», то, например, у Ф. Соссюра, означаемое доминирует над означающим. Возникает «центрация» с акцентом на означаемом и на его власти, исключающей свободную перестановку компонентов диполя. Данный элемент синхронии, присущий структуралистскому подходу к системе, лишает ее динамики развития, в результате чего диссимметрия «схватывается» здесь лишь в своем самом простом, классическом варианте фиксации противоположностей. В результате, состояние таких систем близко к симметрическому равновесию.

В отличие от структурализма, в постструктурализме на первое место выходит принцип не конструкции, а деконструкции системы, ее перманентной диссимметризации. Перманентной потому, что возвращение к структурной целостности принципиально невозможно. Основополагающим методологическим принципом в такой практике может быть только постоянное нарушение симметрий: скольжение смысла и значений, игра структур и т. д.

При этом данное нарушение – эквивалент креативного хаоса, несущего в себе возможность становления порядка.

Известно, тем не менее, что диссимметризация в природе и искусстве происходит в соответствии с определенным законом возврата к симметрии, ее компенсации. Однако в области социальной и духовной реальностей, в упомянутом выше случае перманентной диссимметризации, работает зеркальное отражение этой схемы. На место «симметризации ↔ диссимметризации», где за любой диссимметрией «проглядывает» вновь намечающаяся симметрия, приходит «диссимметризация ↔ симметризация». Закон компенсации симметрии, таким образом, трансформируется в свою противоположность – *закон компенсации диссимметрии*: «диссимметрия уже существует внутри симметрий в «приуготовленном» виде». При этом структура размыкается посредством различных приемов – «деконструкции», «неразрешимостей», «рассыпания», «смерти автора» и т. д.

Во втором параграфе «Диссимметрия в структуре научной теории» выявляются диссимметрические основы научного знания и его преобразований. За исходный пункт рассуждения можно взять идею Р. Барта о том, что «любая наука в зародыше несет собственную гибель в форме языка, который сделает ее своим предметом». Весь исторический путь научной теории демонстрирует факт присутствия в ней диссимметрии. В первую очередь на это указывают лингвистические особенности понятия «теория». Так, греческое слово «теория» – от “υεωρια” – умозрение, является однокоренным не только с «теоремой», но и с «театром» – зрелищем. Оправданность аналогии теории и театра, по утверждению А. Павленко, обосновывается сопоставлением научных теорий с театральными представлениями различных эпох. Однако умозрительность теории и зрелищность театра изначально совпадают все-таки в однокоренном языковом эквиваленте. Наука, таким образом, в своем зародыше на уровне языка уже содержала диссимметрическую причину, готовую упорядоченное и целостное раздвоить на зеркальные антиподы – рациональное и иррациональное.

Идиллическое равновесие между теорией и языком, просуществовавшее более двух тысяч лет, дало миру множество выдающихся теорий. Однако «открытие» в XX веке различных типов рациональности и обнаружившееся в этой связи их несоответствие одного другому, были дополнены выступлениями против рациональности такими представителями философии и методологии науки, как М. Полани, Т. Кун, П. Фейерабенд и др. Идиллическое равновесие, таким образом, в научной теории оказалось иллюзорным, тем более что диссимметрические флуктуации, нарушающие равновесие в когнитивном процессе, сопровождали науку на протяжении всего ее развития.

Уже в период формирования неклассической науки был «узаконен» анархизм в научных программах, признающих необходимость «слабых противоречий» и делающий ставку на «прививки», «аномалии» и революции. Таким образом, диссимметрические флуктуации в научном познании были признаны необходимым элементом его развития.

В третьем параграфе «Перманентная диссимметризация в художественном дискурсе как тенденция современной гуманитарной практики» анализируется роль диссимметрических факторов в духовной реальности. Художественное измерение, представляющее собой часть духовной реальности, в современной гуманитарной практике, также как и философское (и научное) диссимметрично: иллюзорное здесь проглядывает сквозь реальное, реальное – сквозь иллюзорное, цитатное представляет творческое «лицо» «самостоятельного» автора. Смешение жанров, стилей, действительного и «чудесного», возможного и невозможного, создают своеобразную пирамиду, на вершине которой царствует ирония. Однако сквозь иронию проглядывают достаточно ясные феномены – хаосмос, перечень, инструктаж, лабиринт, бриколяж и т. д., представляющие своеобразную методологию в практике перманентной диссимметризации художественного измерения духовной реальности. Данная практика отражает общую тенденцию в современном гуманитарном знании.

Классический пример одного из методологических приемов подобной практики – инструкции и перечни в сочинениях К. Кастанеды. Диссимметричность данной практики, наряду с ее алеаторичностью, заключается и в том, что она принципиально невыполнима. Жанр инструкции перечеркивает сам себя, но, тем не менее, иначе, как инструкцией, этот жанр не назовешь. Таким образом, инструкция представляет диссимметрический изомер самой себе. Диссимметрический лабиринт-ризома, характерен для художественной практики У. Эко. В свою очередь, лабиринт времени, ризома «множащихся» «завтра», реализован в художественном дискурсе Х.Л. Борхеса.

Лабиринт-ризома, диссимметрический инструктаж и перечень дополняются словарным жанром и жанром кроссворда. Писатели постмодернизма проводят с читателем *диссимметрический курс* по литературе, в котором, как в бриколяже, хороши любые подручные средства. Писатель-бриколер прибегает к различным фантазиям, лишь бы заинтересовать читателя: главное – правильно (или неправильно) организованное поле «поли»: полистилистики; полилингвистического разнообразия; полиситуативности и т. д. С точки зрения филологии такие тексты представляют безусловный интерес. С точки зрения философии – еще больший, т. к. «низменное» здесь становится «возвышенным», правое – левым, ложь – правдой, иллюзорное – реальным, черное видится в белом, а белое – в черном. С позиций диссимметрии, эта «диалектика» вполне оправданна: тотальность диссимметрического здесь базируется на практическом воплощении формулы «диссимметризация ↔ симметризация».

В четвертом параграфе «Социальная диссимметрия в «конце социального» и процесс диссимметризации современной социальной реальности» рассматривается состояние современного общества с позиций социальной диссимметрии.

В современной философии, констатирующей «смерть социального», согласно Ж. Бодрийяру, открываются двери «антисоциальной» теории – «патафизике». Тем не менее, патафизика не более чем *диссимметрический*

изомер теории классической социологии, демонстрирующий *тотальность диссимметрического*. Более того, провозглашенный когда-то «конец» (возможно, и «конец социального») в итоге затем отменяется.

Формула «диссимметризация → симметризация → диссимметризация» реализуется в различных проявлениях современной социальности, например, – в потреблении и серийности. Первое в современной ситуации – это диссимметрический изомер не только производству, но и потреблению как таковому, являясь потреблением знаков; второе – диссимметрический эквивалент, реально существующая мера, с помощью которой измеряется значимость знаковости. В целом, «конец социального» ознаменован изощренной вариационностью, серийность же, которую и необходимо понимать в этой связи как вариационность, является ярким примером диссимметризации, существующей по всем законам диссимметрического развития современной социальной реальности: решающую роль в развитии здесь играют не выпрямления, а *искривления*.

В диссимметрический коктейль современной социальной реальности органично вплетаются любые парадоксы, в том числе и рассмотренный У. Эко «прогресс вспять». Такие движения постоянно напоминают о себе и когда речь идет об инновациях. Возвращение, однако, здесь происходит на более совершенном витке повтора, рассматривающем инновации как глобальный процесс, связанный в этом случае с образованием. Так, в рамках открытого образования, в качестве наиболее совершенного способа сегодня рассматривается дистанционное обучение. Последнее – классический пример диссимметрического изомера материальному и стационарному, так как оно виртуально. Связанный с образованием интеллект, ставший в настоящее время новым капиталом, воплощается через трансформированного интеллектуала – диссимметрически подвижного, толерантного к инакомыслию. Маргинал-интеллектуал способен направить в иное русло мысль собеседника и изменить свою собственную, а интерпретация в результате становится своего рода технологией.

Однако современная социальная реальность ставит перед человечеством более серьезные проблемы, нежели виртуальные или интеллектуальные технологии, так как на службе у нее есть технологии биологические. Самый общий аргумент в пользу готовящегося для человечества в этой связи диссимметрического диссонанса состоит в том, что с данными технологиями на место самоочевидности приходит скрытность, несущая с собой, как заметил Ф. Фукуяма, «сделку с дьяволом: продление жизни – но со снижением умственных способностей; избавление от депрессии – но и от творческой силы духа...» и т. д. Выходит, на каждое «да» есть свое «нет», каждому «правому» соответствует отраженное «левое», отчего диссимметрия – сопутствующий всем указанным процессам феномен. В контексте достижения в будущем гармонии между человеком и человеком, природой и человеком, биотехнологии выступают диссимметризующими (дестабилизирующими), а не симметризующими (стабилизирующими) факторами. В то же время именно дестабилизация, а в общем – *перманентная диссимметризация* и есть наиболее характерная черта современной социальной реальности, и даже ее сущность, что хорошо видно на примерах ее диссимметрических признаков.

В *Заключении* подводятся итоги, делаются соответствующие выводы, намечаются дальнейшие перспективы изучения рассматриваемой проблемы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. *Голубева Н.А.* Философские аспекты диссимметрического развития реальных объектов. – Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. – 266 с. [16,5 п. л.]
2. *Голубева Н.А.* Диссимметрия «игры в бисер»: краткое введение в метатеорию постмодернизма. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. – 188 с. [11,75 п. л.]
3. *Голубева Н.А.* Онтология диссимметрии: Монография. – Калуга: Полиграф-Информ, 2013. – 384 с. [24,0 п.л.]

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России:

4. *Голубева Н.А.* Феномен диссимметрии: к вопросу о логике понятия // Известия Волгоградского педагогического университета. Серия «Социально-экономические науки и искусство». – 2008. – №8 (32).– С. 12-17. [0,7 п.л.]
5. *Голубева Н.А.* Музыка и временные процессы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – №5 (26). – С. 273-277. [0,5 п.л.]
6. *Голубева Н.А.* Нелинейность философии постмодернизма в ее понятийном аспекте // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2009. – №2 (28). – С. 13-18. [0,5 п.л.]
7. *Голубева Н.А.* Правое и левое: истоки проблемы диссимметрии // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – 2011. – № 2. – М.: Изд-во МГОУ. – С. 11-20. [0,9 п.л.]
8. *Голубева Н.А.* Диссимметрия и диалектика (онтологический аспект) // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – 2011. – № 3. – М.: Изд-во МГОУ. – С. 22-29. [0,7 п.л.]
9. *Голубева Н.А.* Структурные особенности диссимметрических систем // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – 2011. – № 4. – М.: Изд-во МГОУ. – С. 5-10. [0,5 п.л.]
10. *Голубева Н.А.* Диссимметрия постмодерной социальности // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 4. – С. 39-53. [0,9 п.л.]
11. *Голубева Н.А., Ловецкий Г.И.* Естествознание и язык: диссимметрия в поэзии // European Social Science Journal. – 2011. – № 10. – С. 205-213. [0,5 п.л./0,45. п.л. авт.]
12. *Голубева Н.А.* Языковые игры: диссимметрия теории // Казанская наука. – 2011. – № 9. – С. 120-127. [0,65 п.л.]
13. *Голубева Н.А.* Поструктурализм: диссимметризация структуры // Казанская наука. – 2011. – № 10. – С. 145-150. [0,5 п.л.]
14. *Голубева Н.А.* Диссимметрия игрового пространства постмодернизма // European Social Science Journal. – 2011. – № 13. – С. 285-293. [0,6 п.л.]
15. *Голубева Н.А.* Диссимметрия структуры в структурализме // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – 2012. – № 1. – М.: Изд-во МГОУ. – С. 5-12. [0,5 п.л.]
16. *Голубева Н.А.* Симметризация и диссимметризация: к вопросу о диссимметрическом развитии // Казанская наука. – 2012. – № 1. – С. 158-163. [0,5 п.л.]

17. *Голубева Н.А.* Синергетический вектор диссимметрического развития // European Social Science Journal. – 2012. – № 2. – С. 8-14. [0,6 п.л.]
18. *Голубева Н.А.* Диссимметрия – детерминатор процессов трансформации // Казанская наука. – 2012. – № 2. – С. 137-141. [0,5 п.л]

Статьи и тезисы по теме диссертации в других изданиях:

19. *Голубева Н.А.* Проблема системности в связи с диссимметрией // Наукоемкие технологии в приборо- и машиностроении и развитие инновационной деятельности в вузе: Материалы Всероссийской научно-технической конференции 2008 г. – Т. 3. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008. – С. 175-181. [0,44 п.л.]
20. *Голубева Н.А.* Диссимметрические признаки синергетической парадигмы // Наукоемкие технологии в приборо- и машиностроении и развитие инновационной деятельности в вузе: Материалы Всероссийской научно-технической конференции 2008 г. – Т. 3. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008. – С. 182-187. [0,4 п.л.]
21. *Голубева Н.А.* О роли рядов *Ф* в диссимметрическом развитии структурных объектов // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Межвузовский сборник научных трудов. Международный выпуск. – Выпуск 12. – Пенза: Изд-во ПГТА, 2009. – С. 80-85. [0,5 п.л.]
22. *Голубева Н.А.* Мыслеформы и контроль сознания // Теория и практика развития экономики региона. Сборник научных статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции. – Калуга: ИД «Эйдос», 2009. – С. 85-89. [0,25 п.л.]
23. *Голубева Н.А.* Диссизомеризм тотальной симуляции // Наукоемкие технологии в приборо- и машиностроении и развитие инновационной деятельности в вузе: Материалы Всероссийской научно-технической конференции 2009 г. – Т.4. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. – С. 156-161. [0,4 п.л.]
24. *Голубева Н.А.* Проблема рациональности в теоретическом знании // Наукоемкие технологии в приборо- и машиностроении и развитие инновационной деятельности в вузе: Материалы Всероссийской научно-технической конференции 2009 г. – Т.4. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. – С. 162-166. [0,3 п.л.]
25. *Голубева Н.А.* Структурализм: структура как диссистема // Наукоемкие технологии в приборо- и машиностроении и развитие инновационной деятельности в вузе: Материалы Всероссийской научно-технической конференции 2009 г. – Т.4. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. – С. 167-172. [0,4 п.л.]

26. *Голубева Н.А.* К вопросу о переоткрытии времени // Научно-методический журнал «Гылым Кайнары». – 2009. – №2 (2). – Семей: Университет «Кайнар». – С. 8-14. [0,4 п.л.]
27. *Голубева Н.А.* Инновационные технологии как условие совершенствования учебного процесса // Научно-методический журнал «Гылым Кайнары». – 2009. – №2 (2). – Семей: Университет «Кайнар». – С. 18-21. [0,25 п.л.]
28. *Голубева Н.А.* Текстуализация культуры в структурализме и постструктурализме // Язык-Культура-Человек-Этнос: Материалы областной научно-практической конференции. – Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2009. – С. 102-109. [0,45 п.л.]
29. *Голубева Н.А.* Единица внутреннего времени как фактор нарушения временной симметрии // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Межвузовский сборник научных трудов. Международный выпуск. Выпуск 14. – Пенза: Изд-во ПГТА, 2010. – С. 61-64. [0,4 п.л.]
30. *Голубева Н.А.* Пространство неограниченных возможностей: диссимметрия и деконструкция // Наукоемкие технологии в приборо- и машиностроении и развитие инновационной деятельности в вузе: Материалы Всероссийской научно-технической конференции 2010 г. – Т.3. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2010. – С. 166-170. [0,3 п.л.]
31. *Голубева Н.А.* «Шум развития» лабильной диссимметрии // Наукоемкие технологии в приборо- и машиностроении и развитие инновационной деятельности в вузе: Материалы Всероссийской научно-технической конференции 2010 г. – Т.3. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2010. – С. 171-174. [0,25 п.л.]
32. *Голубева Н.А.* Правизна-левизна: нарушение симметрии противоположностей и диалектика // Материалы I Международной научно-практической конференции «Современная наука: теория и практика». – Т.2. – Ч.1. Общественные науки. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. – С. 62-64. [0,3 п.л.]
33. *Голубева Н.А.* Постмодернизм: диссимметрия пространства и времени // Казанская наука. – № 9. – Вып. 1. – 2010 г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2010. – С. 564-569. [0,5 п.л.]
34. *Голубева Н.А.* Естественнонаучные аспекты проблемы диссимметрии // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Межвузовский сборник научных трудов. Международный выпуск. – Выпуск 15. – Пенза: Изд-во ПГТА, 2011. – С. 58-62. [0,45 п.л.]
35. *Голубева Н.А.* Искусство бриколяжа, или диссимметрический хаосмос в современной литературе // Культура в зеркале языка: Материалы областной научно-практической конференции. – Калуга: Изд-во КГУ им.

К.Э. Циолковского, Калужская областная научная библиотека им. В.Г. Белинского, 2011. – С. 20-26. [0,5 п.л.]

36. *Голубева Н.А.* Глобализация: Россия в условиях нарастающей сложности // Труды МГТУ, № 605. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. – С. 11-17. [0,5 п.л.]
37. *Голубева Н.А.* Проблема инновационных технологий в образовательном процессе // Актуальные проблемы социально-философских наук. Сборник научных трудов. – М: ВЗФЭИ, 2012. – С. 41-61. [1 п.л.].

ОТЗЫВ
научного руководителя о работе докторанта кафедры философии Волгоградского государственного университета Голубевой Натальи Александровны

Голубева Наталья Александровна поступила в очную докторантуру кафедры философии ВолГУ по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания для завершения диссертационного исследования, над которым долгое время работала самостоятельно. За период обучения в докторантуре проявила большую заинтересованность, трудолюбие и высокие способности в исследовательской работе в области онтологии и теории познания.

Н.А. Голубева является самостоятельным ученым, имеет хорошую теоретическую подготовку. За время работы над темой диссертации обнаружила способность видеть актуальные теоретические проблемы, выдвигать продуктивные гипотезы и разрабатывать концептуальные решения. Опираясь в своей работе на обширный материал из различных областей знания, Н.А. Голубева продемонстрировала уважительное отношение к используемым текстам, корректность в цитировании источников. Система проверки текстовых документов «Антиплагиат» (www.antiplagiat.ru) подтверждает высокий уровень оригинальности ее диссертационного исследования (более 95%).

Работа над диссертацией велась в рамках утвержденного плана. Н.А. Голубева проявила высокую активность в апробации своего исследования, приняла участие более чем в 25 научно-практических конференциях, ею опубликовано более 70 работ по тематике исследования, в том числе 3 монографии и 15 научных работ в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Н.А. Голубева читает лекции по философским дисциплинам, успешно руководит научно-исследовательской работой студентов, принимает участие в грантовой деятельности.

Как преподавателя и исследователя Н.А. Голубеву отличают трудолюбие, ответственность, дисциплинированность, добросовестное отношение к своим обязанностям и поручениям. Она пользуется неизменным уважением со стороны сотрудников кафедры.

Рекомендую Н.А. Голубеву как способного и перспективного ученого-исследователя в области онтологии и теории познания и прошу поддержать ее работу.

Научный руководитель
доктор философских наук,
зав. кафедрой философии ВолГУ С.Б. Токарева

Подпись Токаревой С.Б. заверяю
Ученый секретарь федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет»
Н.В. Лисовская
«16» июня 2014 г.